

БЫВАЕТ так: вы идете в театр, смотрите спектакль, и он радует вас режиссерским решением, актерской игрой. По окончании, покидая зрительный зал, вы говорите, может быть, даже спорите о спектакле, называете фамилии актеров, вспоминаете удачные эпизоды.

А бывает так:

...В полумраке сцены еле различим человек в военной гимнастерке, в сапогах. Он идет, закрыв лицо руками, покачиваясь, не разбирая дороги. Откуда-то издалека доносится мелодия вальса. А взрослый мужчина, солдат, не в силах сдержать рыдания, всхлипывает, содрогаясь всем телом. И деревья, около которых только что стояли и вдруг словно растаяли пять девичьих фигурок, медленно кружатся, кружатся...

В зале зажигается свет. Спектакль окончен. Но вы сидите в каком-то оцепенении, потом встаете, стараетесь поскорей уйти, чтобы ны с кем не разговаривать, ничего не обсуждать, чтобы не расплескать переполившие душу чувства, не растерять родившиеся мысли. Продлить это чудо «очищения страданием», сотворенное театром.

Так кончается новый спектакль Московского театра драмы и комедии на Таганке «А зори здесь тихие...». Так в молчании, как бы сказала, в святом молчании расходятся после него зрители. И нужно время, чтобы осознать увиденное, разобраться, в чем же скрыта тайна такого сильного воздействия спектакля на ум и сердце.

Думается, прежде всего в том, что в повести Б. Васильева, ставшей основой инсценировки, в повести, рассказавшей о том, как ушли со старшиной Васковым на боевое задание пять девушек-бойцов и не вернулись обратно, театр открыл возможности для создания спектакля трагедийного. Именно трагедию, подлинную и современную, поставил Юрий

Любимов, сыграли артисты. Точное определение жанра продиктовало и выбор художественных средств — скупых и предельно выразительных, абсолютно театральных и оттого еще более впечатляющих.

...На пустой, лишенной декораций сцене художник Д. Боровский поставил только кузов грузовика со странным номером, намалеванным на борту: «ИХ 16-06». Сначала в этом кузове трясутся девушки, едущие в прифрон-

товая деревеньку, где идет их отчаявшийся наладить службу старшина. Потом этот кузов станет сараем, речным пляжем, баней. А потом, когда спустятся с неба (именно «слустятся», держась за кронштейны для софитов) немецкие парашютисты и быстро, деловито разберут кузов, борта, вставшие вертикально, превратятся в лес. Наклоненные борта — уже болота, они же — укрытие и последнее прибежище для погибающих.

Безь арсенал выразительных средств театра работает на спектакль. Свет, шум, музыка (Ю. Вуцко), точно говорящие детали, ритм — все бьет в цель, все строгайше подчинено выявлению главной мысли. А она — о звериной жестокости, бессмысленности убийства и о неповторимости каждой человеческой жизни. Спектакль выстроен по закону контраста — света и мрака, жизни и смерти. Жизнерадостна и легка по настроению вся его

первая часть. Да, конечно, война рядом, и она то и дело напоминает о себе воем воздушных налетов, пальбой зениток, шарящими в небе прожекторами. Война вошла в души людей, как штырь, и застыла в них внутренним напряжением. Но молодость есть молодость. И девушки-воины ну просто не могут не петь, не смеяться, не шутить, не говорить о любви, как не могут они не внести в боевой объект свой быт, свои будничные дела. Но вот

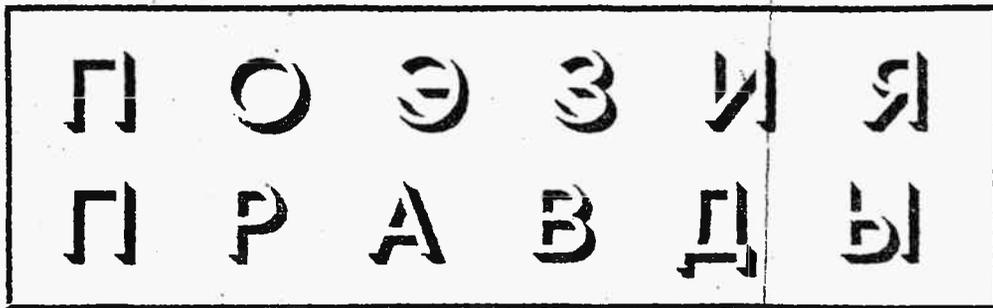
рвется сердце от такого прощания — сколько же баб на Руси вот так же расставались со своими мужиками! Или говорят в пьесе, что едят девчата с ашкетом, и из этой фразы рождается сцена: Васков переползает от дерева к дереву отрезает каждой девушке хлеба, сала и делится с ними своими думами, советуется, как быть дальше. А переход через болото! А пробежки по лесу! Юрий Любимов находит необыкновенные и очень та-

у нас перед глазами, что мы знаем о них все.

И, наконец, главная удача спектакля — старшина Васков в исполнении В. Шаповалова. С точки зрения профессиональной роль эта сыграна виртуозно. Точность и доподлинность сценического существования поразительны. Слияние с образом такое, что нет возможности отделить самого артиста от старшины. Артист играет смело, не боясь представить своего героя смешным в его несколько наивной истовости, трудно «перевариваемым» неожиданные сложности, возникшие в связи с прибытием под его команду женского «гарнизона». И в то же время все, что делает Васков — Шаповалов, озарено необычайной сердечной добротой и житейской мудростью. «Девки — они же будущие матери» — эта мысль определяет все поведение Васкова — Шаповалова. Облегчить, помочь, уберечь — вот о чем его постоянная дума, и он делает без устали все что может для этих девчат. А когда с пятерыми из них он уходит в лес, забота о них становится для него важнейшей целью. Там, в лесу, раскрываются его огромные знания охотника и талант военного человека, его осмоторительность, осторожность, мужество, находчивость и благородная самоотверженность. Не собой, не своею безопасностью озабочен Васков, а лишь тем, чтобы не дать оборваться ниточке жизни... И нет его вины в том, что случилось. Винювник здесь война — с ее ровными случайностями и предусмотренной бесчеловечностью. Велик подвиг девушек, не пропустивших врага, но невозможна и трагедия потери пяти молодых жизней.

Высокая поэзия, философская глубина и жестокая правда сочтались в этом прекрасном патристическом спектакле. В нем проклятие фашизму, войне.

Л. КАФАНОВА.

резкий предупреждающий звук внезапно разрывает ткань спектакля. Фашисты! Враги! Теперь все пойдет по-иному. И ласковый тихий лес в солнечных бликах наполняется тревогой, и открывается страшный смысл надписи «ИХ» (то есть фашистов) 16, а наших — 06. И девушки, успевшие со старшиной ловить врагов, не распрямятся больше во весь рост. Они будут прогнать, пригнувшись, ползая по земле, говорить вполголоса, а если запоят, то похоронную, отходящую по каждой погибшей девчонке...

Вроде бы незначительные намеки, содержащиеся в пьесе, легко и естественно развиваются в спектакле в целые сцены. Вот выходит провожать Васкова квартирная хозяйка (И. Ульянова). Обычные слова прощания, пожелания. Но вдруг хозяйка повисает у Васкова на плече, цепляется за рукава и полы его ватника, плачет в голос, падает на колени, и

лантанные режиссерские решения. Но что прекрасно, в чем этапное значение этого спектакля в творческой биографии театра — все режиссерские идеи проведены через актеров. Актеры живут в спектакле невероятно напряженно и органично, создают яркие, живые, достоверные образы.

Имена девушек-бойцов, погибших где-то неподалеку от Кировской железной дороги и Беломорско-Балтийского канала, выписаны в программе крупными буквами: Гая Четвертак — Т. Жукова, Соля Гурвич — Н. Сайко, Лиза Бричкина — М. Полщеймако, Женя Козелькова — Н. Шацкая, Рита Осянина — З. Славяна. Пять имен — пять индивидуальностей, пять судеб. Удивительно, как только удается актрисам так много рассказать о своих героинях! Звезд и текста у каждой совсем немного, и о прошлом воем говорят они всего по несколько фраз, а нам кажется, что жизнь их прошла